

www.ptushki.org | www.birdwatch.by

Птушкі і Мы

№ 2(21),2012

разам для птушак і людзей

Пераможцы фотаконкурсу «Птушкі ў аб'ектыве - 2012»
Намінацыя «Людзі»

Андрэй Мікановіч «Юны арнітолаг» – 1 месца

Дзмітры Вінчэўскі «Кальцаванне птушак і гледачы» – 2 месца

Здымкі – прызёры фотаконкурсу і не толькі можна знайсці ў Галерэі на www.birdwatch.by

Слова рэдактара

Прывітанне, шаноўныя чытачы! На гэты раз хачу нагадаць вам пра зімовую падкормку птушак, а дакладней, пра тое, што можна, а чаго нельга рабіць у тым выпадку, калі вы вырашылі дапамагчы птушкам узімку. Паколькі намаганнямі спецыялістаў АПБ на гэтую тэму ўжо выйшла шмат розных дапаможнікаў, то нагадаю толькі асноўныя моманты, на якія ні ў якім разе нельга забывацца аматарам зімовай падкормкі.

Перш-наперш, АПБ рэкамендуе не падкормліваць узімку вадаплаўных птушак, якія ў гэты час канцэнтруюцца ў населеных пунктах. Зразумела, што калі дзеці разам з бацькамі прагульваюцца каля ракі, цяжка ўтрымацца ад спакусу пакарміць качак альбо лебядзей купленым у бліжэйшай краме батонам. Але, неглядзячы на тое, што птушкі з ахвотай будуць есці ваш пачастунак, трэба памятаць аб тым, што такая “дапамога” прынясе птушкам больш шкоды, чым карысці. Пакуль у вашым горадзе застаецца адкрытая вада, хвалявацца не трэба – усе неабходныя прысмакі птушкі самі знойдуць на дне вадаёма. І толькі калі тэмпература панізіцца да 20 градусаў мароза, вадаплаўным спатрэбіцца наша дапамога, але гэта ўжо тэма іншай гаворкі.

Зусім інакш выглядае справа з дробнымі вераб’епадобнымі – сініцамі, вераб’ямі, зелянушкамі. Калі ўжо быць зусім дакладным, то з кропкі погляду эвалюцыі і, у прыватнасці, натуральнага адбору, то і іх карміць было б не варта, бо , як бы сказаў дзядуля Дарвін, да вясны дажывуць мацнейшыя і, натуральна, птушанят больш прыстасаваных выгадуюць...

Але хіба ж успомніш пра Дарвіна, калі галодныя сінічкі ледзь не ў шыбу дзюбай стукаюцца! Таму – запасайцеся сланечнікам, несалёным салам, рабіце кармушкі і запрашайце птушак у сталоўку!

Умова тут толькі адна – калі ужо ўзяліся за справу, то не прыпыняйце яе – сталоўка павінна працаваць да самае вясны!

Шаноўныя сябры!

Па збегу абставінаў, мінулы выпуск часопіса “Птушкі і мы” быў надрукаваны ў нездавальняючай якасці. Мы ўжо прынялі меры, каб надалей забяспечыць якаснае выданне сяброўскіх матэрыялаў. Адначасова, запрашаю Вас праглядзець мінулы выпуск часопісу у добрай якасці на сайце АПБ у раздзеле “Інфа-цэнтр”.

Змест

Стучок на зімоўцы ў Мінску. Фота Андрэя Несцерава

ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны»
Галоўны рэдактар: Фянчук Віктар Аляксандравіч
Адказны рэдактар: Зуёнак Сяргей Васільевіч
Рэдакцыйная рада:
Вінчэўскі Аляксандр Яўгенавіч
Вінчэўскі Дзмітры Яўгенавіч
Кіцель Дзяніс Аляксандравіч
Самусенка Ірына Эдуардаўна
Сліж Яўген Аляксандравіч

Вёрстка: Зміцер Гупянец
№ 2(21), 2012
Выходзіць з 1999 г.
Перыядычнасць 2 разы на год
наклад 1000 ас.
Рэгістрацыйны №727 ад 12.09.2009 г.
Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь
Наш адрас:
ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны»,
вул.Макаёнка, 8-313, 220114,
Мінск Беларусь
Тэл. (017) 263 01 30, Факс (017) 263 06 13
E-mail: info@ptushki.org
www.ptushki.org

Для карэспандэнцыі
а/с 306, Мінск, 220050, Беларусь

Дзейнасць ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны» падтрымліваецца Каралеўскім таварыствам аховы птушак (RSPB), партнёрам BirdLife International у Вялікабрытаніі.
ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны» з’яўляецца афіцыйным прадстаўніком BirdLife International у Беларусі.
Надрукавана ў друкарні УП «Данарыт».
Ліцэнзія ЛП № 02330/0494183 ад 03.04.2009.
Замова №

90 лет для птиц и людей!

Старый логотип CIPO

Александр Винчевский
Фото с сайта www.birdlife.org

В нынешнем году одной из крупнейших в мире природоохранных организаций – BirdLife International, партнером которой мы являемся, – исполняется 90 лет. Это не совсем обычный день рождения, поскольку в своей современной форме BirdLife существует 20 лет и, таким образом, организация празднует двойной – 90/20-летний юбилей. Редакция от всей души поздравляет нашего общего «патрона» и всех его многочисленных партнеров, в том числе, конечно же, и АПБ!

Мало кто из наших современников (не орнитологов) знает про Международный совет охраны птиц (CIPO, Conseil international pour la protection des oiseaux). А ведь именно так назывался BirdLife International до 1993 года. СССР в виде национальной секции тогда тоже участвовал в работе этой международной ассоциации. Когда ко мне через М.Е. Никифорова в 1999 году обратились составители «Белорусской энциклопедии» с просьбой написать статью про СИПО, я попытался им объяснить, что организация сейчас называется по-другому, и написал про это в своей статье. Когда же вышла энциклопедия, статья все равно называлась «Міжнародны савет аховы птушак». Россияне, кстати, до сих пор аналогично и переводят иногда название BirdLife на русский язык. Кто знает, может быть, и они, и издатели энциклопедии правы?

Самые первые природозащитные организации были созданы в XIX веке именно для защиты птиц от варварского истребления. Некоторые из этих организаций существуют и действуют до сих пор: это, например, Королевское общество защиты птиц (RSPB, Великобритания) и Одюбоновское общество (National Audubon Society, США). В конце XIX века многим здравомыслящим людям было просто больно наблюдать за процветанием кровавого бизнеса, устроенного на птицах. В это время у женщин были очень популярны шляпки с украшениями из птиц. В ход шли отдельные перья, крылья и даже полные шкурки. Представьте, что только с Новой Гвинеи в столицы шляпочной моды – Лондон, Париж и Нью-Йорк – с 1905 по 1920 годы ежегодно вывозилось 30-80 тыс. шкурок райских птиц. Американский орнитолог Фрэнк Чапмэн в 1886 году сделал необычный учет птиц в Нью-Йорке. Он определил по перьям 40 американских видов птиц на 3/4 из 700 женских шляпок. Только за один месяц в 1911 году в Лондоне на аукционе было продано 1580 шкурок кондоров, 3000 орлов, 24800 колибри, 80000 попугаев. Из-за перьев-украшений добывалось 300-500 тыс. нанду ежегодно. Эти птицы никогда уже не восстановят свою былую численность.

BirdLife International – это самое крупное в мире объединение национальных общественных организаций, занимающихся охраной природы.

По оценкам ученых в год для целей фэшн-индустрии в конце XIX века добывалось около 5 млн птиц. Только в США в 1900 году над перьями для шляпок трудились около 85 000 человек. Годовой оборот перьевого бизнеса оценивался в 2 млн фунтов стерлингов, при том что шкурка колибри на рынке стоила всего 2 цента. Надо признать, что промышленники использовали и линные перья, и перья птиц со специальных ферм, но все же львиная доля перьев добывалась охотниками в природе. Считается, что в том числе и из-за перьевого промысла в США как вид вы-

1. RSPB протестует против использования птиц в индустрии моды (RSPB Королевское общество защиты птиц, представитель BirdLife в Объединенном Королевстве, было основано в 1889).
2. Lina Hahnle, основательница (в 1899 г.) NABU – немецкого партнера BirdLife.
3. Salim Ali, известный индийский орнитолог и основатель BHNS, индийского партнера BirdLife.
4. Первый офис BirdLife (впоследствии – ICBP) в Кембридже в 1980 г. в окружении коров...

Т. Джилберт Пирсон

Участники конференции ICBP в Женеве, 1928 г.

мер каролинский попугай. Наибольшее возмущение вызывали рассказы о том, какой ценой зачастую добывались перья. Чтобы получить шкурки птиц в брачном оперении, охотники очень часто убивали их в гнездовой сезон и даже на гнездах, что часто вызывало голодную смерть птенцов от истощения. Конец масштабной международной торговле перьями был положен к началу 1920-х годов, хотя кое-где торговля перьями для шляп продолжалась еще и в 1930-х годах.

Международный совет по охране птиц (сначала комитет), СИПО, был создан 20 июня 1922 года в Лондоне в доме министра финансов американским орнитологом и природоохранником Т. Джилбертом Пирсоном (президентом Национальной ассоциации Одюбоновских организаций) и его единомышленниками из Франции, Нидерландов и Великобритании. К тому времени общественные организации осознали: побороть угрозы выживанию птиц на национальном уровне уже невозможно. Позднее шведский профессор Кай Карри-Линдал назвал СИПО «первой мировой реально природоохранной организацией». Торговля птицами и нефтяное загрязнение были главными проблемами, для решения которых создавался Совет. Надо отметить, что, к сожалению, до сих пор эти проблемы остаются актуальными.

В 1935 году граф Леон Липпен выполнял функции секретаря организации в Брюсселе, в Лондоне ему помогала Филлис Барклай-Смит. В 1945 году секретариат переехал в Лондон и его возглавила Филлис, которая служила BirdLife в общей сложности 43 года. К 1945 году в BirdLife было 34 национальных секции. В 1950-е годы приоритетом для организации была борьба с нефтяным загрязнением океана. Во многом благодаря энтузиазму Филлис в 1954 году была принята Международная конвенция по защите моря от загрязнения нефтепродуктами.

В 1957 году BirdLife подготовил первый список птиц, находящихся под угрозой исчезновения, за шесть лет до создания первого международного Красного списка МСОП, который появился только в 1963 году. С тех пор именно BirdLife готовит списки редких птиц для обновлений Всемирного Красного списка МСОП.

В начале 1960-х главнейшей проблемой, на решение которой были брошены все усилия, стала борьба с использованием токсических веществ типа ДДТ, диэлдрина, эльдрина и других. Сейчас их вред природе хорошо документирован, тогда же борьба с химическими концернами была неравной. Только в 1969 году, через 20 лет после появления первых критических свидетельств их пагубности удалось запретить эти вещества для использования в сельском хозяйстве.

Партнерство BirdLife насчитывает 45 членов в Европе и 121 – во всем мире. Старейший партнер BirdLife – Bombay Natural History Society (BNHS – BirdLife в Индии, основанный 128 лет назад, в 1883 г.). Следующими были RSPB (Британия) и NABU (Германия).

BirdLife организовал письма поддержки по спасению от осушения водоемов очень важных, для мигрирующих птиц: соленого озера Akrotiri на Кипре в 1962 году и пруда Ghadira на Мальте в 1965 году.

В 1968 году всемирный призыв совместно с WWF позволил собрать 17000 фунтов стерлингов для покупки острова Кузин в Сейшельском архипелаге (этот остров и сейчас принадлежит BirdLife). Для спасения сейшельской камышевки там был организован резерват. Это дало свои плоды: если в 1968 году в мире оставалось всего 26 птиц этого вида-эндемика Сейшел, то сейчас камышевок более 2500 и они расселены еще на четырех соседних островах.

При этом только в 1980 году по примеру других международных организаций в BirdLife появился первый полноценный сотрудник, Кристоф Имбоден, благодаря пятилетнему гранту WWF. Когда грант закончился, раскрученный к тому времени Клуб редкой птицы BirdLife позволил собрать средства, достаточные для поддержания штатных сотрудников. С тех пор глобальный секретариат BirdLife базируется в Кембридже.

В течение первых пяти лет количество штатных сотрудников BirdLife выросло с полутора ставок до 15, а в следующие пять лет удвоилось.

Со временем из глобального выделился европейский секретариат и переехал сначала по приглашению правительства Нидерландов в Вагенинген, а потом в Брюссель.

История АПБ тесно связана с историей BirdLife начиная с 1999 года.

Именно тогда весной я побывал на тренинге и в гостях у венгерского партнера BirdLife – MME. Я попал как раз на прощание с одним из ключевых сотрудников MME Саболшем Наджи, который уезжал работать в европейский офис BirdLife. Я и подумать тогда не мог, что через 7 лет сам получу аналогичное предложение.

Дамские наряды из перьев птиц

Декларация (Июнь 1922 г., Лондон) принципов Международного совета по охране птиц

Мы считаем, что авифауна играет огромную роль во всем мире, внося свой вклад в дело сохранения равновесия между видами, к которому постоянно стремится природа; что птицы имеют огромное значение для науки, оказывают большое эстетическое влияние на здравомыслящих людей и представляют большую ценность для человечества как источник питания, истребитель вредных грызунов, насекомых и как стимулятор разумной спортивной охоты.

Мы считаем, что по незнанию, из-за эгоизма или ненасытного стремления к прибылям человек во многих странах сокращает численность птиц вызывающими тревогу темпами и уже стер с лица земли много интересных и ценных видов.

Мы приветствуем разумные методы повышения численности пернатой дичи с тем, чтобы избыток мог послужить или продуктом питания, или объектом спортивной охоты. Мы рекомендуем изучать кормовые связи диких птиц, изучая проблемы сельского хозяйства, садоводства и лесоведения, и публиковать результаты этого изучения, чтобы все люди в мире имели более четкое представление о значении фауны птиц.

Нас радуют все усилия просветительных учреждений самого различного профиля, многих тысяч честных людей по распространению среди широкой общественности знаний о внешности, привычках, повадках и пении диких птиц, что дает возможность взрослым и детям оценить их эстетическое значение.

Мы убеждены, что больших результатов в деле установления более действенной охраны птиц можно добиться путем расширения деятельности Международного совета по охране птиц.

Поэтому мы одобряем вышеизложенную Декларацию принципов.

(Следуют подписи учредителей СИПО)

Международные соглашения по охране природы, (сборник документов) Изд. «Юридическая литература», Москва, 1966 г.

В 1999 году как директор АПБ я был приглашен на глобальную конференцию BirdLife в Малайзию. Там я познакомился с коллегами из многих стран мира, в том числе и с тогдашним директором BirdLife Майком Рэндсом и теперешним директором – Марко Ламбертини. Там АПБ сделала первый шаг на пути к партнерству в ассоциации, получила статус национального представителя в Беларуси. Там нам представили первого директора европейского секретариата BirdLife Джихан Орхун.

В 2001 году на встрече Европейских партнеров в Гибралтаре АПБ была представлена президентом М.Е. Никифоровым, заместителем директора по природоохранным вопросам А.В. Козулиным и мной. Это была самая представительная делегация АПБ на встречах BirdLife за 13 лет. В том же году АПБ получила следующий статус, кандидата в партнеры, вплотную приблизившись к высшей ступеньке.

В 2004 году на глобальной конференции BirdLife в ЮАР меня как представителя Беларуси и Восточной Европы на два года выбрали в Европейский совет BirdLife, где мы дважды в год встречались для решения стратегических и оперативных задач. В 2005 году Джихан Орхун посетила Беларусь и составила отчет, который послужил основанием для присвоения АПБ статуса национального партнера.

С 2006 по 2009 годы, передав директорство в АПБ Виктору Фенчуку, я проработал в европейском секретариате BirdLife в только что введенной в Европе новой должности по развитию партнерских организаций в Восточной Европе. К тому времени у BirdLife оформились отношения с общественными организациями на Балканах, на Кавказе и в Центральной Азии, т.е. в бывшей Югославии и СССР, как шутил я. Необходимо было помочь этим организациям развиваться в правильном направлении. Большинство восточноевропейских организаций имели те же проблемы, что и предшественники АПБ в Беларуси или АПБ в самом начале своего становления. Кому как не мне они и способы их преодоления были известны. Нашими учителями на этом тернистом пути были коллеги из крупнейшего партнера BirdLife International – RSPB. Не без моего участия партнерство BirdLife пополнилось представителями из Армении, Македонии, Казахстана, Киргизстана и Узбекистана. Шесть организаций в четырех балканских странах получили ресурсы для развития организаций. А это очень важный с точки зрения биоразнообразия регион, который до последнего времени не имел сильных природоохранных организаций.

Сейчас глобальная ассоциация BirdLife International имеет в своих рядах партнерские организации из 116 стран мира. Сила ее не в секретариатах и представительствах по всему миру. Сила – в национальных партнерах, каждый из которых, как правило, является сильнейшей природоохранной организацией в своей стране. 7500 штатных сотрудников работают на партнеров BirdLife. 2,7 миллиона членов и 10 миллионов волонтеров поддерживают деятельность национальных организаций по сохранению биоразнообразия планеты Земля, в первую очередь для людей. Удивительно осознавать, читая декларацию, составленную и подписанную четырьмя энтузиастами из разных стран 90 лет назад, насколько мало за это время изменились угрозы выживанию птиц на Земле и насколько сильны те же самые мотивы их сохранения.

Роман Романович, фото автора
по материалам www.34mag.net

В погоне за аистом

4 утра, три бутерброда с чаем, 2 носка, дождь – лучшее начало Дня города, осталось только из него выехать. Поэтому в 5 я уже в опеле, и мы собираем по кольцевой нашу команду, бросившую вызов местным птицам на Открытом чемпионате Беларуси по спортивной орнитологии. В течение одного дня 11 команд по всей стране должны увидеть или услышать – определить максимальное количество видов с крыльями. Ангелы не в счет. Я же должен найти себе новое жирное хобби.

Бердвочинг – наблюдение за птицами. Еще в конце XVIII века, вдохновленные Карлом Линнеем, люди перестали делать только чучела из птиц, и перешли к их неутилитарному созерцанию. Сегодня это увлечение, которое пробуждает охотничий инстинкт без выстрелов, уже давно покорило США с 50 миллионами бердвочеров и всю Европу. *«В Англии, если ты как-то задеваешь* ***воробья,*** *ты наносишь личное оскорбление Королеве. Так европейская природоохранная организация RSPB придумала охранять вид, отдав его в собственность королевского двора»,* – не отрываясь от вождения, удивляет меня член команды Виктор Фенчук, директор АПБ, один из организаторов чемпионата.

«Сипуха гадит – ксендзы не довольны», – по дороге к начальной точке, зажатый между бодрыми бинокленосцами Геннадием Миндлиным и Виталием Кощеевым, из этой фразы я сразу узнаю, почему гнезда птиц убирают со стен костелов. А еще – о том, что в окрестностях метро «Уручье» нашли останки дикого лесного слона, который жил еще до мамонтов, и что нужно быстро сделать укол от столбняка, если на тебя напала **длиннохвостая неясыть.** Мне очень хорошо в моей новой компании.

Через час в составе «орлов» (команда Aquila) оказываюсь на месте бердвочерского старта – на свалке Шабаны. Солнце с тучами пока еще не договорились, кто будет здесь главным. Отходим дальше от трассы, становимся на пригорке, тренируем глаза и уши. Тишина. Сверяем часы и спокойно, без выстрела, стартуем. *«Все, начинаем, ребята. Гена, подзывайте чичиков»,* – шутят ребята, но сразу резко замирают и почти одновременно определяют птицу по пению: **малиновка** выдает себя первой и начинает наш список. Неслучайно мы утром забирали капитана нашей команды из Малиновки.

Я тут же начинаю прислушиваться, честно и тщетно пытаюсь отличить одно чирикание от другого, а мои напарники тем временем «ссыпают» в бердлист названия видов. *«Сколько нам еще до завтрака надо? Восемь видов!»* Спасает только появление над склоном заброшенной свалки **канюка обыкновенного,** которого все быстро рассматривают в бинокль. Для фрешмена в этом деле пока увидеть легче, чем услышать.

На искусственных холмах под Минском мы встречаем команду финнов, которые еще не знают, что займут пятое место. А у нас

Фото Сергея Зуенка

Самое главное для мирного охотника за летающими – увидеть вид. Не словить или сфотографировать, а просто увидеть. Именно для этого они носятся по всему миру, чтобы пополнять персональный «Lifelist» – список птиц, увиденных за жизнь. Поэтому, например, Билл Гейтс, Король Норвегии Гарольд V, Принцесса Японии Масако Овада гораздо чаще смотрят в небо: это уже образ жизни.

самих впереди двенадцатичасовая гонка, на которой я увижу лису в камышах, «живой» гриб дождевик величиной с лежащую собаку, погрузку карпа сетями на рыбхозе, мертвую корову и **дубоноса** на рябине. Посмотрю National Geographic прямо в трубе, где какой-то хищник хватает большую рыбу из воды и не может ее поднять, найду 5 грибов-зонтиков, которые на вид как поганки, а на вкус как отбивная, упаду на пятидесятом виде и намочу «лиды». Мы попадем из фермы в деревню, из одного рыбхоза в другой, с распаханного поля на осушенный пруд.

И все это рядом с тысячей птиц незнакомых мне названий и видов. Они будут повсюду. На кусте, пеньке, в воде, на дне осушенного пруда, в еловых ветках, камышах, в траве, на стволе дерева, и, конечно же, на проводах. Это самая легкая добыча: главное успеть посмотреть в зеркало заднего вида перед остановкой. *«Понятно, чем больше птиц ты знаешь по виду, а особенно по пению, тем больше шансов победить. Также точно нужно выезжать за день до соревнований на тренировку, чтобы составить маршрут. И чем больше биотопов ты отходил за день, тем больше и наберешь»*, – посвящает меня в тайны бердвочинга капитан команды Валерий Домбровский, специалист по хищным птицам, который не много говорит, но много определяет.

Вечером мы возвратимся в Шабаны, чтобы добрать видов, но встретим только **куропаток**, зато я доберу слов. *«Бердвочинг – это хобби, ну как бег: кто-то бегает для себя, кто-то на соревнованиях. Вышел, посмотрел, порадовался – можно и не определять птиц в принципе. По лесу человек идет, радуется, он же не всегда определяет все виды растений, все виды птиц – он просто воспринимает природу*, – мы с Виктором и 91 видом в бланке бродим по холмам, а птицам удивить нас все сложнее и сложнее. – *В Англии, например, уже отходит это увлечение, люди, которые этим занимаются, им уже 50 лет. Когда они были молодыми, это был пик. А у нас пока медленно народ цепляется, 200-250 человек всего по стране»*.

Пригорки становятся круче, птиц меньше, а Виктора не остановить: *«Есть такая книжка «How to be a bad birdwatcher». Очень часто считается, что если не можешь определять птиц, то ты не бердвочер, а автор пишет наоборот. Он так и начинает: пошел ты куда-то, увидел птицу, восхитился, все – ты уже, пусть плохой, но бердвочер. Но все равно, на определенном этапе любования тебе нужно будет узнавать и расти. Это будет происходить естественно»*.

После того, как меня называют будущим белорусского бердвочинга, мы выдвигаемся к финишу. По пути замечаем одного редкого для сентября **белого аиста**, который специально для нашей команды отложил время перелета на зимовку. *«Думаю, что птиц стало меньше, а мастерства больше. Или наоборот»*, – философствуют «орлы» с широко раскрытыми глазами.

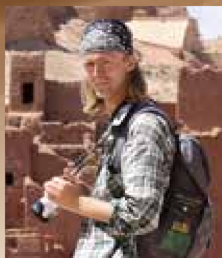
Время вышло. Даже если сейчас возле окна пролетит **розовый фламинго**, дитя заката, нам его не засчитают. Звоним на базу и сообщаем о коллекции из 93 видов птиц. Том Галик нами бы гордился. «*Мы седьмые, что свидетельствует о высоком уровне бердвочинга в Беларуси*», – подытоживает результат команда.

На следующий день, покупая бинокль и наш «палявы вызначальнік», который, по словам Дмитрия Винчевского, редактора сайта birdwatch.by, является «першым беларускамоўным выданнем, прысвечаным птушкам Еўропы», я узнаю про «Клуб 200» со **степным лунем** на логотипе. В него входят белорусские бердвочеры, видевшие 200 видов птиц и больше. *«Если кто-то где-то видит редкий вид птиц, то он сразу сообщает о нем координатору клуба, и все члены получают возможность спешить на место встречи с редкой или новой для себя птицей»*, – сообщает мне Дмитрий, который в какой-то степени, как и остальные немногочисленные пока наблюдатели за птицами, продолжает дело первого белорусского бердвочера Николая Радзивилла Сиротки.

Догнать последнего зяблика, не упасть в болото и назвать всех по имени – гонка за птицами не любит слабаков. Вообще, самое главное – это твое внимание. И иногда в жизни очень важно его переключить, чтобы увидеть *больше.*

МАРОККО

Денис Китель.
Фото автора и Юлии Качановой

Сахара

Другой мир

Жаркое африканское солнце, оставляющее красивый загар; пляж желтого песка, окантованный финиковыми пальмами; и океан, заманивающий шепотом волн – пожалуй, это и есть мечта уставшего от будней самого обыкновенного человека. Но разве можно в таких условиях рассчитывать на приключения, книги о которых «проглатываются» в один присест?! Прикинув по карте ближайшие «горячие точки», где я могу наблюдать интересных птиц, на этот раз я отправлялся на север Африки – в Марокко...

Имея опыт пребывания в подобных странах, казалось, я даже не испытал шока, переступив порог аэропорта и оказавшись в совершенно другом мире. Переход через главную площадь Эль-Фна в Марракеше с бесконечно однообразным лабиринтом базара, где неожиданно у тебя из-под ног появляется «ручная» беззубая кобра, а пожилые дамы с закрытым чадрой лицом предлагают разрисовать тебя с ног до головы хной, у меня вызвал легкий приступ ностальгии и ироничную улыбку. Моим друзьям дался культурный шок тяжелее, а у единственной нашей девушки – Юли – заблестели от слез глаза.

Маготы

В Марокко встречается один из редчайших приматов – магот – единственная африканская макака! Ареал распространения маготов очень маленький, и этот вид был признан близким к исчезновению.

Долину сказочного пейзажа Атласских гор разрезала быстроводная река Эль-Абид. Всего километром ниже по течению речной поток срывается со скалы 110-метровой высоты, превращаясь в могучий водопад Узуд. Именно это место облюбовали обезьяны.

Каждый из нас наслаждался тенью раскидистых оливковых деревьев, финиковых пальм и пробковых дубов. Разделяли наши ощущения и маготы, привыкшие к вниманию туристов. Они специально подходили ближе, глядя на людей полными печали глазами, отчего даже равнодушные к животным путешественники смягчались и делились с обезьянами едой.

Мои друзья направо и налево угощали зверей печеньем из нашего общего запаса. Только я хотел предупредить их, чтобы держали вещи в застегнутом рюкзаке, как к Юле подошла обезьяна-мама с детенышем, обхватившим ее живот, и подергала девушку за брюки. Растроганная таким доверчивым «обращением» к ней, Юля и не заметила, как сзади к ней подкрался хитрый самец магота и в прыжке выхватил всю пачку печенья у нее из рук.

Что ж, мы остались без нашего сухпайка, что, в общем, никак не огорчило ни одного из нас. Сопровождаемые пением бюльбюлей *(Pycnonotus barbatus)*, мы побрели гонять горных трясогузок *(Motacilla cinerea)* по руслу реки внизу водопада в надежде найти какую-нибудь дешевую забегаловку, чтобы перекусить.

Автостопом к лысым ибисам

– И автобусы туда не ходят? – не мог поверить Виталик, когда я выразил желание на день отделиться от группы и автостопом добраться до небольшой деревни Тамри, где находится скала с гнездящимися на ней лысыми ибисами *(Geronticus eremeta)*.

– В мире есть только пару мест, где они водятся, – пытался я хоть как-то доказать целесообразность задуманной мною поездки в неизвестном направлении. Правда, все это вызывало лишь улыбку моих друзей.

– А че, пусть едет! – в конце концов согласилась Юля. – И мы отдохнем от бесконечных

Деревня недалеко от Уарзазата

Пустынный воробей

рассказов о птицах. Ты ведь не вернешься скоро и мы сможем вволю поваляться на пляже, а не с рюкзаками за плечами догонять автобусы?

– Боюсь тебя разочаровать, Юля, но в моих планах снова увидеть вас всех уже сегодня вечером, ведь завтра нам снова в дорогу!

После того, как друзья проводили меня взглядами через стекло отходящего автобуса и я остался совсем один, ловлю какого-то местного на улице и пытаюсь распытать его, как добраться до скалы с ибисами, тыкая пальцем то в карту, но в книжку с рисунком птицы. Он не говорит на английском, я на арабском и французском, но оба понимаем друг друга – за 50 дирхам он скажет мне, какую из сотни дорог через пустыню выбрать. Немножко торгуемся, и цена падает до 20… Я выбегаю на дорогу, и торможу первый попавшийся грузовик. Через 10 км мне выходить и мы, как истинные арабы, прощаемся: «Шукран» (Спасибо!) говорю я, «Оуфван, мархаба!» (Пожалуйста! Добро пожаловать!) отвечает он.

Колония возле Тамри находится на высокой скале на берегу Атлантического океана, которую можно осматривать только находясь на другой скале в ста метрах от последней. Сотрудники национального парка следят, чтобы никто не беспокоил птиц, поэтому спускаться к океану в данном месте не разрешается. Не успел я дойти до скалы, как вдоль дороги отметил парочку испанских каменок *(Oenanthe hispanica)*. Забавно выходит: Испанию несколько раз проезжал, а встретил этих птичек только в Марокко.

Вместе с работником нацпарка мы пересчитали ибисов на скале и, насколько это было возможно, гнезда. Получилось что-то около 30 пар. Ибисы отдыхали в тени, отбрасываемой нависающим утесом. Созерцая этих созданий, вызывающих только восхищение, грустно было думать, что, возможно, мы последнее поколение, которое их видит…

На верблюдах за пустынным воробьем

Мохаммеда мне порекомендовал мой американский друг, с которым мы познакомились, когда я жил в Португалии. Его дом находится в маленькой деревушке Мерзуге на окраине самой большой пустыни в мире – Сахары… Знать местного – это привилегия в Марокко. Тут тебе становятся известны все настоящие цены. Мохаммед – владелец небольшого отеля, но друзья его друзей – его друзья. Вечером он пригласил своего коллегу по бизнесу, занимающегося организацией поездок на верблюдах в пустыню, и мы с ним, наблюдая копошащихся в мешках домовых овсянок *(Emberiza striolata)*, за чашкой чая вели диалог об условиях и, безусловно, цене. Торг завершился отлично – 25 евро с человека за 2 дня и 1 ночь в берберской палатке, цена включала также еду. Но чтобы товарищи не думали, что в Марокко так все легко, я ровно в два раза завысил договоренную стоимость и собрал с них по 50.

Утром следующего дня мы выдвигались в пустыню. Чтобы защитить голову от солнца, а лицо от песка, все мы повязали на берберский манер платки. Наш провожатый – Ахмет – мило улыбался беззубым ртом, рассаживая нас на верблюдов. Последующие несколько часов мы плыли на этих «кораблях пустыни», в такт их движений покачиваясь «на волнах» барханов. В перерывах между Юлиным визгом восторга я обращал внимание друзей на снующих по сторонам птиц: «Видели? Все видели? Это пустынная каменка *(Oenanthe deserti)*!.. Причем тут Капитан Очевидность?»

Цветовая гамма барханов и отражающийся от лоснящегося раскаленного песка свет рисовал невообразимые пейзажи из сказок Шахерезады, вдруг размывая горизонт мутной струящейся дымкой. Спустя пару часов наши глаза так устали от этого, что мы перестали ощущать расстояние: куда ни глянь были лишь плавные линии песка, перете-

Водопад Узут

кающего, словно вода, с потоком ветра.

Шатер стоял на вычищенной ровной площадке, скрываемый от ветра с трех сторон высокими дюнами. На его крыше грелись пустынные воробьи *(Passer simplex)*. Свои гнезда они делали в пазухах старых листьев финиковых пальм, занося туда сухую траву и различный мусор, найденный под ногами – ничего не пропадает в пустыне.

– Хочешь я отгадаю, как называется вон тот голубь? – спросил меня Алекс. – Наверняка ведь это какой-нибудь Пустынный голубь! – все заулыбались. Я согласился, чтобы шутка не пропала, но это была малая горлица *(Streptopelia senegalensis)*.

Вечером над барханами пролетал фараоновый филин *(Bubo ascalaphus)*, а мы ужинали из тажинов (традиционные глиняные сковородки с крышкой) приготовленные Ахмедом овощи. На закате солнце лишь слегка коснулось вершин дюн и спряталось за тучу, оставив Луне пост освещать пустыню. Ночью далеко мы старались не гулять, т.к. по рассказам местных, были случаи «ушедших в туалет и вернувшихся только под утро».

Жарко в пустыне только днем. Если же решиться утром проснуться затемно и забраться на самую высокую дюну, чтобы встретить рассвет, надеть на себя придется всю имеющуюся одежду. В то утро небольшая песчаная буря «передвигала» барханы. Следует отметить, что покорение дюны не приносит такого большого наслаждения, как покорение горы, т.к. наверху нет площадки, на которую можно удобно усесться и насладиться видом. Дюна заканчивается тонким «лезвием», которое от силы и направления ветра извивается в ту либо другую сторону, преломляя свет и окрашивая песок в различные тона. Что тут говорить?.. Это был один из чудеснейших видов, что мне доводилось видеть в жизни! Вставая из-за алжирских гор, солнце посылало свои лучи пустыне, как и тысячи лет назад – и пустыня оживала! Свет, словно гигантская анаконда, вился вокруг барханов и дюн, проникая все глубже в затененные участки, пробуждая от сна жуков-чернотелок, что тут же втягивали капельки оставшейся на их теле росы и бежали по своим делам. Весь спектр теплых цветов струился вокруг, обрушиваясь, словно Узут, на эту бедную землю, и в шумном потоке растекался по всем направлениям. А мы были просто созерцателями этой чудесной природной сущности...

Измученным, но с навсегда измененным взглядом на мир, по возвращению в деревню, своим друзьям я раздал взятую заведомо больше разницу в деньгах, которые были абсолютно бесполезны там, в пустыне, но играют значительную роль в мире, называемым цивилизованным...

На все воля Аллаха

Или «иншалла» по-арабски.

Обязательно нужно отметить, что эту фразу слышать нам приходилось каждый день по несколько раз. Например, спрашиваешь в кассе: «Во сколько отправляется автобус на Гуэлмим?» Ответ тебе: «Через полчаса. Иншалла». Религия в жизни арабов играет далеко не последнюю роль.

Безусловно, наше приключения не ограничивались тем, о чем я решил написать выше. Мы посетили невероятно красивый пляж Легзиры с гигантскими арками в скалах; мы чуть не купили верблюда; смотрели из зеленого оазиса на снежные вершины Атласских гор; давали урок английского языка в школе в Уарзазате; ходили по древнему Фесу и удивлялись титаническому труду выдельщиков кожи; видели коз, забирающихся на верхушку деревьев, чтобы сорвать зеленые листочки; посетили деревню без электричества, вылепленную из глины... да много что случилось за то малое время, что было отведено нам. Обо всем этом тоже следовало бы написать... Но может, в следующий раз?! Иншалла...

Белогузая каменка

Домовые овсянки

Горная трясогузка

Лысые ибисы

Обыкновенный бюльбюль

Птицы в музыкальных культурах мира

Елена Гороховик,
кандидат искусствоведения,
доцент Белорусской государственной академии музыки

Птицы – одна из вечных тем не только в искусстве живописи и поэзии, но также в музыке различных эпох, стран и народов мира. Это естественно, поскольку ничто так не приближено к таинству музыкального звучания, как птичьи голоса.

Птица Алконост

Гамаюн – птица вещая

Царевна-лебедь

Пение птиц привлекало человека еще в глубокой древности, и ему всегда придавалось особое, магическое значение. Имитация птичьих голосов во все времена имела для человека не только и не столько утилитарный смысл (приманивание птиц во время охоты на них), но рассматривалась прежде всего как важнейший канал звукового общения с природой, и через нее – с Универсумом. Исследователи истории музыки считают, что подражание птичьему пению представляет собой древнейший пласт музыкальной культуры человечества. Издревле у разных народов считалось, что птицы могут издавать звуки, которые можно имитировать не только человеческим голосом, но также звучанием музыкальных инструментов, и прежде всего духовых (флейты, гобоя). Свистульки в виде фигурок птиц и в нашу информационную эпоху, пережив тысячелетия, сохраняют свой культовый характер и используются в различных обрядах и ритуалах.

Многие птицы, реальные и мифологические, стали своеобразными музыкальными и музыкально-поэтическими символами разных национальных культур. Белорусская народная музыка в этом смысле буквально «населена» различными птичьими образами: тут и известная всем перепелка (символ белорусской печали), и кукушка, и соловей, и синица –всех не перечесть.

Нанімала Чачотачка скочну музыку,
Нанімала Чачотачка капэлю ўсю:
Верабейка на скрыпіцы,
Салавейка на прытыцы, А сарокі у прыскокі,
А вароны у далоні,
Чорны галкі у цымбалкі,
Дробны пташкі на свісталкі,
Люба слухаць, як зайгралі
Музыку сваю.

В мифологии и культуре других народов мира встречаем птицу Гамаюн – у древних иранцев птица радости Хумаюн, в славянской мифологии вещая птица, поющая людям божественные песни и предвещающая будущее тем, кто умеет слышать тайное. Птицы Сирин и Алконост в славянской мифологии – символы печали и радости.

Мифическая птица Феникс, символ вечного круговорота умирания и возрождения в культурах древнего Востока и Европы, ярко представлена, в частности, в китайской классической поэзии и музыке. Еще одно ее воплощение, русская Жар-птица, вдохновила выдающегося русского композитора Игоря Стравинского на создание знаменитого одноименного балета.

«Дикий гусь падает на тихую отмель» – таково название известнейшей пьесы для китайского циня. Дикий гусь в китайской музыкально-поэтической символике издревле является символом разлуки и одиночества. Так и не сумев достигнуть родных мест, он, обессиленный, тихо приземляется на песчаную отмель, ставшую навеки его пристанищем…

Еще одним частым «фигурантом» вокальной и инструментальной музыки разных народов является кукушка. Ее мистический голос ассоциируется, как правило, с неумолимым ходом

времени. «Не пой, кукушка, не продлевай время разлуки с моим возлюбленным», – так поется в известной индийской классической вокальной композиции. Кукушка «распевает» и в одноименной клавесинной пьесе Л.- К. Дакена (XVII в.).

Лебедь – один из важных персонажей мифологии, поэзии и музыки народов Скандинавии и России. Эта красивая и гордая птица стала персонажем сказаний, легенд и музыкальных произведений многих композиторов. Все помнят о знаменитой Царевне-Лебедь – героине сказки А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане» и одноименной оперы Н. А. Римского-Корсакова. Выдающийся финский композитор Я. Сибелиус, опираясь на финский эпос, создал в своих симфонических произведениях образ лебедя из Туонелы – царства мертвых. Как трагический образ-символ одиночества и смерти воссоздал образ лебедя в своем бессмертном романсе «Лебедь» на текст Г. Ибсена классик норвежской музыки Э. Григ.

Ну и, конечно, соловей, которому посвящены едва ли не лучшие музыкальные произведения: от пьесы для клавесина Ж.-Ф. Рамо (XVIII в.) до известнейшего романса А. Алябьева, ставшего настоящим шедевром русской музыки XIX в., знаменитого романса К. Сен-Санса «Соловей и роза» и написанной в XX веке оперы уже упоминавшегося И. Стравинского «Соловей» по мотивам сказки Х.-К. Андерсена, идеей которой стала победа живого, подлинного искусства над его механическим суррогатом.

Леон Бакст. Жар-птица (эскиз к балету)

Тема птиц в европейской музыке стала, без преувеличения, одной из сквозных, и чаще всего она имела пасторально-идиллическую трактовку. Для многих композиторов птицы – непременный атрибут Аркадии, символа райской невинности, патриархальной простоты нравов и мирного счастья. Птицы поют в полный голос в концерте А. Вивальди «Весна» из цикла «Времена года». Птичье пение любил и неоднократно посвящал ему свои произведения Й. Гайдн (чего стоит, например, его известнейший струнный квартет «Жаворонок»!). Перед нами и образ веселого птицелова Папагено, героя оперы В. А. Моцарта «Волшебная флейта», с его неизменной дудочкой и колокольцами, символизирующий радости обычной, простой, мирской жизни на лоне природы.

А вот и знаменитая, словно пронизанная от начала до конца птичьим щебетом «Пасторальная» симфония Л. Бетховена № 6, которую уже глухой в то время композитор написал как гимн Творцу, созидающему природу на радость человеку, находящему в ней утешение и отдохновение. В конце ее второй части, которая называется «Сцена у ручья», Бетховен (как и все венцы, проводивший много времени на природе и бывший знатоком птичьих голосов) сводит воедино птиц, которых в природе нельзя встретить одновременно: соловья, кукушку и перепела. Но этот строго научный аспект здесь как раз не важен. Птичий щебет привносит в музыку умиротворяющий, поистине пасторальный оттенок.

Примеры музыкальных произведений, героями которых являются птицы, можно было бы множить бесконечно. Но интересно, что композиторы, посвящавшие свою музыку птицам, сами нередко были настоящими их знатоками и даже любителями-орнитологами. Так, Н. А. Римский-Корсаков тщательно изучал и нотировал голоса разных птиц, чтобы впоследствии использовать

Оливье Мессиан

эти «цитаты» в опере-сказке «Снегурочка» (хор «Сбирались птицы» в Прологе). Известным орнитологом и композитором был и наш соотечественник К. Тызенгауз.

Но, пожалуй, самым известным композитором-орнитологом стал Оливье Мессиан, выдающийся мастер французской музыки XX века. Более сорока лет он записывал в нотную тетрадь птичье пение, подробно классифицировал его, а потом воплощал результаты своего труда в музыке. Это и «Черный дрозд» для флейты и фортепиано (1951), и «Пробуждение птиц» для фортепиано с оркестром (1953), и «Экзотические птицы» для фортепиано, ударных и камерного оркестра (1956), и, наконец, монументальный семитомный «Каталог птиц» для фортепиано (1956-58), где можно услышать пение таких европейских птиц, как альпийская галка, иволга, синий и пестрый каменный дрозды, чернопегая (испанская) каменка, серая неясыть, лесной и малый жаворонки, тростниковая камышевка и соловьиный сверчок, обыкновенный канюк, большой кроншнеп, белохвостая каменка. Знания, поражающие своей профессиональностью, не правда ли? Пение птиц стало не только неотъемлемым элементом музыкального стиля Мессиана. Будучи человеком глубоко духовным и религиозным, он воспринимал птиц как один из важнейших элементов Универсума, в котором соединены воедино духовное и земное, человеческое и Божественное, природное и художественное. Продолжая эту мысль, скажем, что разъять эти элементы значит нарушить хрупкую и прекрасную гармонию мироздания, в которой найдется место и птицам, и людям, и, конечно, музыке.

УДОД – птушка 2013 года

Фота: Marek Paluch / www.marekpaluch.pl

Незвычайная гісторыя адкрыцця і знікнення крапіўніка з вострава Стывенс

Востраў Стывенс. Сучасны выгляд.
Здымак з www.ryanphotographic.com

Дзмітры Вінчэўскі, www.birdwatch.by

Сумныя лічбы

І паселішчы, і палеткі, і лясы Новай Зеландыі населены «нашымі» відамі птушак: чорнымі і драздамі-спевунамі, берасцянкамі, зелянушкамі, шпакамі, палявымі жаўрукамі, гракамі, звычайнымі стрынаткамі, шызымі галубамі і качкамі-крыжанкамі.

З 1840 года, калі пачалася актыўная каланізацыя астравоў еўрапейцамі і амерыканцамі, яны прывезлі з сабой і выпусцілі па розных прычынах (ад настальгіі па радзіме да павелічэння колькасці паляўнічых відаў) ажно 144 віды птушак з 4 кантынентаў! На пачатак нашага стагоддзя 33 віды пярнатых інтрадуцэнтаў выдатна сябе адчуваюць на астравах. Гэта пры тым, што колькасць пазасталых мясцовых немарскіх відаў птушак усяго 65, прычым больш за палову з іх эндэмікі – гэта значыць, што яны не сустракаюцца больш нідзе на свеце.

Яшчэ горш справы з млекакормячымі. Да прыбыцця на астравы першых людзей – продкаў сучасных маоры – са звяроў тут жылі толькі два віды кажаноў. Дзякуючы палінезійцам, на Новай Зеландыі з'явіліся сабакі і пацукі. А больш цывілізаваныя еўрапейцы з амерыканцамі завезлі з усіх кантынентаў яшчэ 47 відаў, прычым цяпер тут сустракаюцца ў прыродзе 32 віды-інтрадуцэнты звяроў.

Многія чужародныя для новазеландскай прыроды віды адыгралі сваю фатальную ролю ў знікненні 57 мясцовых відаў птушак-эндэмікаў і «паспрыялі» таму, што цяпер 24 віды пярнатых маюць на Новай Зеландыі статус крытычна пагражаемых і яшчэ 53 віды сталі тут рэдкімі.

Арэал памерам у 2,6 км^2

Пра кожнага са зніклых відаў птушак можна было б напісаць больш ці менш падрабязны і сумны расповед, аднак найбольш дзіўная гісторыя знікнення біялагічнага віду, на мой погляд, адбылася з новазеландскім крапіўнікам з вострава Стывенс.

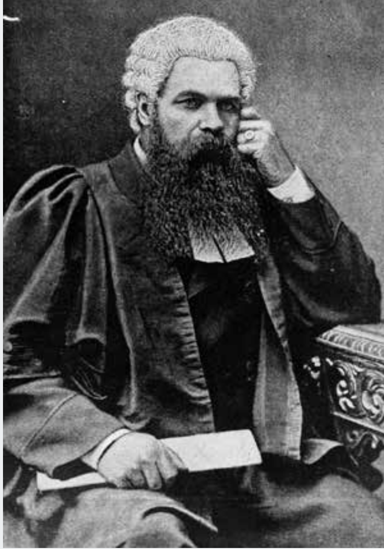
Востраў Стывенс знаходзіцца ў праліве Кука, які аддзяляе Паўночны і Паўднёвы астравы Новай Зеландыі і ўяўляе сабой атол са скальнай пароды плошчай 2,6 км^2, якая да 300 м узнеслася над навакольнай марской вадой.

Гэты невялічкі кавалак зямлі на некалькі месяцаў напрыканцы XIX ст. прыцягнуў увагу натуралістаў амаль з усяго свету адкрыцццём там невялічкай птушкі, якая знікла так хутка пасля гэтага, што амаль нічога невядома пра яе лад жыцця.

Чатыры галоўныя аспекты робяць гэту гісторыю незвычайнай. Па-першае, крапіўнік з вострава Стывенс меў самы малы арэал, які вядомы для птушак. Па-другое, гэта адзіны вядомы дагэтуль нелятаючы від сярод вераб'іных, які дажыў да прыжыццёвага апісання. Па трэцяе – два знакамітых тагачасных арнітолага незалежна апісалі новы від, і гэта выклікала бурныя спрэчкі наконт прыярытэту і яго навукой назвы. І, нарэшце, чацвёртае: і да яго навуковага адкрыцця, і да поўнага вынішчэння мае адносіны толькі адна істота – кот наглядчыка маяка, які быў збудаваны на востраве ў пачатку 1890-х гадоў.

Жарсці прыярытэту

Інтрыга, якая адбылася з апісаннем новага віду птушак, разгарэлася паступова, але так і не змагла згаснуць ажно да смерці аднаго з яе ўдзельнікаў, бо закранала гонар і пачуцці двух асоб – арнітолагаў Уальтэра Балера і Уальтэра Ротшыльда.

Уальтэр Балер

Сэр Уальтэр Лаўры Балер (Walter Lawry Buller) (1838–1906) быў першым ураджэнцам Новай Зеландыі, які стаў шырока вядомым навукоўцам-арнітолагам. Ён дасягнуў гэтага дзякуючы сваёй здольнасці да мовы новазеландскіх абарыгенаў (маоры), амбіцыям, працы і бессаромнасці ў юнацкія гады.

Са школьнай парты ён зацікавіўся навакольнай прыродай і асабліва птушкамі. Ён шмат чытаў пра метады тагачасных навуковых даследаванняў птушак і неўзабаве стаў страляць іх, каб сабраць уласную калекцыю скурак. У 1857 г., яшчэ не напісаўшы ніводнага навуковага артыкула, Балер прапанаваў сябе Лонданскаму Лінэеўскаму таварыству ў якасці правадзейнага чальца. Наймаладзейшыя чальцы таварыства мусілі мець 21 год, таму Балер прамаўчаў пра тое, што яму яшчэ толькі 19... Да 1870 г. ён сабраў дастаткова матэрыялу, каб падрыхтаваць да друку сваю самую вядомую кнігу – *A History of the Birds of New Zealand (Гісторыя птушак Новай Зеландыі)*, для чаго ўпершыню наведаў Вялікабрытанію. Кніга выйшла ў Лондане ў 1872-73 гг. як чатырохтомнае выданне, аздобленае шыкоўнымі, уручную расфарбаванымі літаграфіямі мастака Дж.Г. Кеўлеманса (JG Keulemans). Гэтая праца была заўважаная нават каралевай Вікторыяй, з рук якой Балер атрымаў ордэн Святога Майкла і Георга (CMG).

Ён шмат публікаваўся ў розных навуковых выданнях, асабліва ў *Transactions of the New Zealand Institute*, аднак заўсёды хацеў быць заўважаны ў метраполіі. У 1888 г. ён вярнуўся ў Лондан, каб апублікаваць другое, перапрацаванае выданне сваёй «Гісторыі...». За яго і іншыя заслугі ён быў прыняты ў рыцарскі стан і атрымаў прыдомак «сэр» перад імем і прозвішчам.

У наступным годзе Балер назаўсёды перабіраецца ў Англію, дзе, сумуючы па радзіме, ў 1905 г. друкуе «Дадаткі да птушак Новай Зеландыі». Гэтая кніга стала яго апошняй навуковай публікацыяй.

Уальтэр Ротшыльд

Лорд Уальтэр Ротшыльд (Walter Rothschild) (1868-1937) нарадзіўся ў знакамітай сям'і патомных банкіраў. Будучы выдатны заолаг і палітык, напэўна, адзін з самых багатых людзей свайго часу, з ранняга дзяцінства захапляўся ўсімі жывымі істотамі навокал сябе. Пасля першага наведвання цырку ва ўзросце 7 год ён заявіў бацькам, што будзе збіраць жывёлаў з усяго свету і пабудуе для гэтага ўласны музей. Ён ніколі не адмовіўся ад гэтай мары і зрабіў усё магчымае, каб яе ажыццявіць. Яго калекцыя пастунова павялічвалася, ён нават праслухаў курс заалогіі ў Кембрыджы, аднак бацька вырашыў зрабіць з яго банкіра. Дзесяць год, з 21 да 31 гады, Уальтэр праводзіў усе працоўныя дні ў банку бацькі, але невядома ніякіх папер ці дамоваў, якія б ён падпісаў там за гэты час.

Нарэшце, бацькі зразумелі марнасць прымусу, і з гэтага часу пачынаецца росквіт навуковай кар'еры Уальтэра Ротшыльда. Разам са сваімі супрацоўнікамі ён апісаў каля 5 тысяч новых відаў жывёл, напісаў прыкладна 1200 навуковых артыкулаў і кніг. У многім да гэтага спрычыніліся яго грошы і экспедыцыі (уласныя і тыя, якія ён фундаваў) і калекцыі, бо для некаторых новых відаў менавіта ў яго захоўваліся першыя, апошнія і адзіныя вядомыя экземпляры. У сваім маёнтку ў Трынгу Уальтэр узвёў вялізны будынак і там стварыў самы вялікі прыватны заалагічны музей у свеце, у якім захоўваліся каля 300 тысяч скурак птушак, 200 тысяч птушыных яек, 2 мільёны 250 тысяч матылёў і каля 30 тысяч жукоў.

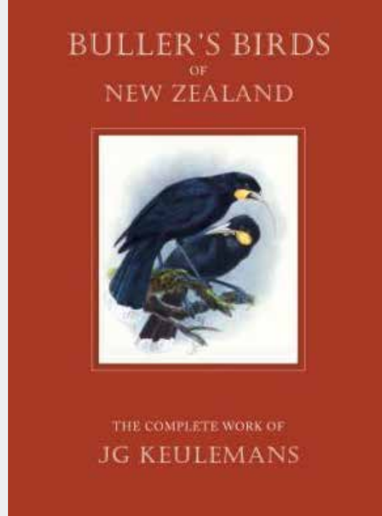
Ён літаральна перавярнуў тагачасныя ўяўленні пра разнастайнасць жывёльнага свету. Яго імем названыя 153 розных таксонаў насякомых, 58 птушак, 18 звяроў, 3 віды рыб і павукоў, 2 рэптылій і па аднаму віду мнаганожак і чарвякоў.

Будынак былога Заалгічнага музея У.Ротшыльда ў Трынгу/ здымак з www.geograph.org.uk

Адзін з малюнкаў крапіўніка з вострава Стывенс, зроблены Дж.Кеўлемансам.

Перавыданне знакамітай кнігі Балера, зробленае у 2012 г.

Так выглядае тое, што засталося ад цэлага біялагічнага віду: пудзіла і скурка крапіўніка Стывенса ў адным з музеяў. Здымак з www.ryanphotographic.com

У. Ротшыльд так тлумачыў свой прыярытэт у апісанні новага віду птушак з вострава Стывенс:

«Я атрымаў 9 асобін гэтай новай птушкі і не непакоіўся пра тое, ці не атрымалі яе іншыя ў той самы час. Праз тое, што я не мог прыбыць на снежаньскую, 1894 года, сустрэчу Брытанскага арнiталагiчнага клуба, я папрасіў д-ра Хэртэрта паказаць птушак ад майго імя. Калі ён так зрабіў і прачытаў іх апісанне, Старшыня, д-р П.Л. Склэтэр сказаў, што птушка таксама атрымана для ілюстрацыі і апісання ў /часопісе/ «Ibis» ад сэра Ультэра Балера і спытаў д-ра Хэртэрта, ці не хачу я адклікаць сваё апісанне. Д-р Хэртэрт сказаў, што гэта нечаканая і непрыемная сітуацыя, але ён не мае паўнамоцтваў адклікаць маё апісанне, і што ён і д-р Шэйрп думаюць, што справаздача сустрэчы павінна быць надрукаваная без уліку любых матэрыялаў, якія могуць адносіцца да той жа птушкі. Несумненна, што гэта можна прызнаць няўдачай сэра Ўальтэра Балера, але такой самай няўдачай гэта стала б і для мяне – калі б ён апярэдзіў мяне… Ён меў толькі адзін экзэмпляр, я меў дзевяць і абодвух палоў, і я заплаціў добрыя грошы за іх як за птушку новага віду. Мае птушкі /знаходзяцца/ ў Трынгу, і, як кожны ведае, могуць быць дследаваныя любым кампетэнтным арнітолагам, тады як птушка Балера не знаходзіцца ні ў адным з музеяў і не зразумела, каму яна была прададзена ў рэшце рэшт…

Я паведамляю пра гэтыя неістотныя дэталі таму, што Балер хутчэй горка і некалькі разоў наракаў на маё апісанне крапіўніка з вострава Стывенс на старонцы 111 яго «Дадаткаў» /да першага выдання «Гісторыі птушак Новай Зеландыі»/. Я магу толькі дадаць, што, канешне, мая назва, апублікаваная ў снежні 1894 г., мае прыярытэт перад яго, якая не была апублікаваная да красавіка 1895 г.».

А вось што пісаў У. Балер пра гэтую сітуацыю ў «Дадатках»:

«Маё апісанне… з'явілася ў /часопісе/ «Ibis» у 1895 г. на старонках 236-7 разам з прыгожай устаўкай /з выявай віду/ пяра м-ра Кеўлеманса. На жаль, падрыхтоўка гэтай устаўкі адклала апублікаванне маёй працы на тры месяцы, і ў гэты час м-р Ротшыльд атрымаў птушку ад м-ра Генры Трэверса. Апісанне /новага віду/ м-ра Ротшыльда як Traversia lyalli з'явілася ў тым самым нумары «Ibis'а», але на старонках 268-269. Аднак, тым не менш, яно было анансаванае у «Бюлетэні Брытанскага арнiталагiчнага клуба», які выйшаў 29 снежня 1894… Я маю ліст аднаго з рэдактараў, д-ра Склэтэра (датаваны 7 красавіка 1896 г.), у якім ён інфармуе мяне, што казаў м-ру Ротшыльду, што я ўжо апісаў птушку і спрабаваў адгаварыць яго рабіць тое, што ён лічыць нячэсным… Нягледзячы на любыя фармальныя канструкцыі, паводле правілаў наменклатуры, я лічу, што праўда на маім баку ў гэтых абставінах і арыгінальнае навуковае імя належыць да мяне, і пакідаю права рашэння за арнітолагамі, якія ведаюць факты, вырашыць, выкарыстоўваць яго або не».

Як знік крапіўнік з вострава Стывенс

Дэвід Лайал, наглядчык маяка, быў адзіным жыхаром вострава Стывенс і натуралістам-аматарам. Таму ў 1894 годзе ён перадаў тых 11 птушак, якіх час ад часу мёртвымі прыносіў яму кот, новазеландскаму навукоўцу Генры Траверсу, а той, у сваю чаргу, 10 з іх пераслаў Ультэру Ротшыльду ў Лондан і адну – мясцоваму арнітолагу Ўальтэру Балеру. Невядома, колькі ўсяго крапіўнікаў кот з'еў і прынёс свайму гаспадару, але праз некаторы час Балер атрымаў яшчэ 5 птушак. Таму мінімальная лічба вядомых птушак, якія жылі на востраве, толькі 16!

Усё, што вядома пра жыццё крапіўніка з вострава Стывенс, мы ведаем са словаў наглядчыка маяка, які быў першым і апошнім чалавекам, які бачыў прадстаўнікоў віду пры жыцці. Падчас двух сустрэчаў з крапіўнікамі, якія адбыліся ўвечары, яны вельмі хутка перабягалі паміж кавалкамі скалаў і хаваліся там. Таму лічыцца, што птушачкі мелі прыцемкавую актыўнасць і харчаваліся (як і іх бліжэйшыя крэўныя – іншыя новазеландскія крапіўнікі) пераважна насякомымі. Як і ў іншых прадстаўнікоў сямейства, самкі былі трошкі большыя за самцоў і мелі нязначныя адрозненні ў афарбоўцы пер'я, птушкі абодвух палоў мелі вельмі кароткі хвосцік і кароткія акруглыя крыльцы. Даўжыня цела дасягала 10 см,

дзюба – 14 мм, крылы – 46-49 мм, хвост – 17- 21 мм, цэўка – 19 мм.

Экалагічная ніша дробных грызуноў вельмі пасавала гэтаму віду, а невялікая колькасць і абмежаваная тэрыторыя распаўсюджання са страчанай здольнасцю да палёту прывялі да таго, што адзіны драпежнік на востраве – кот – змог знішчыць увесь від за лічаныя месяцы.

Скуркі і пудзілы тых некалькі птушак, якіх кот Ціблс прынёс свайму гаспадару, цяпер знаходзяцца ў музеях Лондану, Крыстчарча (Новая Зеландыя), Нью Ёрка, Пітсбурга і Кембрыджа (ЗША)...

Праз непрацяглы час пасля таго, як знікненне толькі што апісанага віду стала фактам, у адной з брытанскіх газет з'явіўся артыкул, прысвечаны падзеям вакол лёсу крапіўніка з вострава Стывенс з вельмі красамоўным заканчэннем-прапановай: *«І мы не маем сумневаў, што будзе вельмі добра, калі Марскі дэпартамент не будзе дазваляць браць з сабой катоў наглядчыкам маякоў, калі яны пасылаюцца на ізаляваныя астравы, дзе цікавыя прадстаўнікі мясцовай фаўны вядомыя або могуць жыць, нават калі трэба будзе закупіць мышалоўкі за дзяржаўныя грошы».*

Крэўныя і браты па няшчасцю

У рэшце рэшт назва віду ў гонар яго першаадкрывальніка – наглядчыка маяка, прапанаваная Ротшыльдам – *Traversia lyalli* – была прызнаная першай, таму назва, прапанаваная Балерам – *Xenicus insularis* – больш не выкарыстоўваецца. Правілы заалагічнай наменклатуры не могуць змяняцца нават у такіх немаральных выпадках. Аднак прапанаваны Ротшыльдам для новага віду асобны род Traversia (у гонар Г. Траверса, які прадаў яму птушак) быў прызнаны штучным, і цяпер для крапіўніка з вострава Стывенс выкарыстоўваецца назва *Xenicus lyalli.* На Паўночным і Паўднёвым (галоўных астравах Новай Зеландыі) і меншых астраўках вакол іх у гістарычны час сустракаліся яшчэ 6 відаў асобнага сямейства Новазеландскіх крапіўнікаў Acanthisittidae, прычым назва «крапіўнікі» для гэтых птушак вельмі ўмоўная і звязана толькі з іх знешнім падабенствам да сапраўдных крапіўнікаў з Еўразіі і Паўночнай Амерыкі.

Сямейства гэтае эндэмічнае для Новай Зеландыі і вельмі старажытнае па свайму паходжанню, з узростам не менш за 50 мільёнаў гадоў асобнай эвалюцыі. Апошнія даследаванні сведчаць пра тое, што блізкіх крэўных гэтых птушак сярод сучасных таксонаў не існуе, і яны ўяўляюць вельмі адасобленую лінію развіцця ў атрадзе вераб'інападобных.

Тры віды новазеландскіх крапіў-нікаў (хутчэй за ўсё, яны, як і крапіўнік з вострава Стывенс, таксама неляталі) зніклі пасля прыбыцця на астравы продкаў маоры. Яшчэ два віды: прадстаўлены ў артыкуле і хмызняковы новазеландскі крапіўнік – зніклі пасля прыбыцця на Новую Зеландыю еўрапейцаў з-за інтрадукаваных апошнімі жывёл, прычым хмызняковы крапіўнік сустракаўся нават да 1972 года. З двух пазасталых так званы крапіўнік-стралец шырока распаўсюджаны на абодвух асноўных астравах, а новазеландскі горны крапіўнік насяляе толькі горныя раёны Паўднёвага вострава і параўнальна рэдкі.

Завочнае прымірэнне

12 кастрычніка 2012 года адбылася падзея, якая хаця б пасмяротна магла б прымірыць паміж сабой Ротшыльда і Балера: у новазеландскім выдавецтве выйшла шыкоўнае перавыданне знакамітай кнігі апошняга *A history of the birds of New Zealand* («Гісторыя птушак Новай Зеландыі»), якая ўпершыню ўбачыла свет яшчэ ў 1872-73 гг. Джэф Норман, які найбольш спрычыніўся да гэтай падзеі, прызнаў, што ідэя аб неабходнасці перавыдання гэтай кнігі прыйшла яму ў Трынгу, – былым фарпосце У. Ротшыльда, дзе цяпер знаходзіцца Арніталагічны аддзел Брытанскага музея натуральнай гісторыі. Менавіта тут Норман убачыў арыгінальныя акварэлі з выявамі птушак Новай Зеландыі Джона Джэрарда Кеўлеманса, знакамітага галандскага мастака, які, між іншым, праілюстраваў усе кнігі Балера.

Дзякую Яўгенію Шэргаліну (Вялікабрытанія) за дапамогу ў стварэнні артыкула.

Так маглі выглядаць крапіўнікі пры жыцці. Малюнак сучаснага мастака Flannery T. Schouten з www.dww.no-ip.org

Зимовка гаршнепа в Беларуси

Валерий Юрко, Андрей Нестеров
Фото Андрея Нестерова
Больше снимков к статье можно посмотреть на сайте www.birdwatch.by

Для Беларуси гаршнеп – редкий гнездящийся вид околоводных птиц, а встретить его здесь на зимовке – настоящее событие. До сих пор были известны только две регистрации в зимний период: 30 января 1966 года на реке Волма в Воложинском районе и в начале января 1982 года в городе Витебске. В последние годы отмечены случаи зимовки гаршнепа и на Брестчине.

В Минске гаршнеп зимой впервые был обнаружен в 2010 году около Минской станции аэрации на ручье, впадающем в Свислочь. Как всегда, помог случай. Хотя, как сказал классик, «случайности не случайны». Все закономерно. Но обо всем по порядку.

На том ручье всю зиму держался крапивник. Мы с моим другом Андреем Нестеровым довольно часто и подолгу его фотографировали.

Однажды, когда Андрей уже ушел, сидя в одиночестве в сумерках, я заметил, как ручей перебежало какое-то животное. Решил, что это крыса, и не придал этому значения. Затем увидел, что эта «крыса» идет по воде вдоль берега, все время наклоняя голову. Только тогда понял, что это птица, и, по-видимому, не рядовая, а как раз та, встретить которую мечтал давно. Она собирала вдоль берега пищу, при этом постоянно покачивалась вверх-вниз, как поплавок. Вероятно, таким образом она заставляла всплывать к поверхности различных донных беспозвоночных либо попросту разминала затекшие ноги. Встречая на своем пути глубокие места, гаршнеп (а в том, что это именно он, я уже не сомневался) либо переплывал, либо перепрыгивал их.

За три дня наблюдений в январе 2010 года гаршнеп появлялся в одном и том же месте после пятнадцати часов, когда уже опускались сумерки. Вероятно, под склоненными к воде заснеженными кустами серой ивы он и проводил дневное время. За эти дни в сумерках с помощью фотовспышки мне удалось сделать всего пару снимков низкого качества.

Позже, уже в один из февральских дней, на том же месте, где раньше прятался гаршнеп, после захода солнца из-под куста доносились характерные звуки его токовой песни. Она была неполной и состояла лишь из однообразных слогов «кер-р-р-р», «кер-р-р-р», «кер-р-р-р», напоминающих крики лягушки. Это продолжалось около трех минут, затем минутная пауза – и песня повторилась снова.

Следующей зимой, в начале декабря 2010 года, после сильных снегопадов и морозов гаршнеп был обнаружен неподалеку от зоопарка на небольшом затоне реки Свислочь. Вспугнутая птица отлетела от меня метров на двадцать и села в заснеженную осоку. После повторного беспокойства она улетела далеко вниз по реке.

О том, чтобы сфотографировать ее, не могло быть и речи, так как пока не удавалось даже толком рассмотреть эту неуловимую птицу в бинокль: гаршнеп «держал дистанцию». И тут очень кстати пришелся подаренный другом маскировочный халат и миниатюрный фонарик. Настали вечера усиленных поисков, и наконец мне удалось зафиксировать эту «синюю птицу». Гаршнеп кормился на мелководье в абсолютно чистой воде, в свете фонаря хорошо были видны пальцы на его ла-

пах. Сделав несколько снимков сверху, я отполз по снегу в сторону и вниз, чтобы поменять ракурс, а когда посмотрел на то место, где только что был гаршнеп, то его и след простыл.

Ни дневные, ни вечерние поиски больше не давали результатов, хоть мы с другом и желали этого всей душой. Лишь в начале января 2011 года гаршнеп снова был обнаружен в Шабанах на протоке Свислочи. Мы возобновили поиски, но больше птица на глаза не попадалась. Как сквозь землю провалилась.

В 2012 году настоящая морозная зима началась лишь во второй половине января. Вернувшись после очередной вахты из заповедника в Минск, следующим утром схватил болотные сапоги, рюкзак и фотокамеру и буквально помчался на Свислочь. Методично прочесывал речные берега с небольшими затонами в поисках зимующего гаршнепа. Помогал накопившийся за две прошедшие зимы опыт, появились знания о том, что нужно этой редкой птице для нормальной зимовки. И вновь повезло. Гаршнеп был обнаружен недалеко от старого места на небольшом затончике Свислочи около зоопарка. Я приблизился к нему метров на 10, как он заметил меня и тут же улетел в сторону плотины Чижовского водохранилища. Но главная цель была достигнута: птица обнаружена, она снова зимует! Это обстоятельство радовало и окрыляло одновременно. «Остальное уже будет делом техники и хорошей погоды», – думал я.

Наконец наступил день, когда удача повернулась лицом и к моему другу. Поддавшись своей интуиции, он уговорил меня проверить ручей, впадающий в Чижовское водохранилище, где когда-то мы фотографировали зимой пастушка. Глядя в бинокль, Андрей полушутя-полусерьезно спросил: «Это такая небольшая птица с желтыми полосками на спине?» «Ага», – ответил я ему в тон. «Ну вон, сидит твой гаршнеп на правом берегу в снегу», – указал улыбаясь Андрей, и протянул бинокль. «Не разыгрывай», – с этими словами недоверчиво я взял у него бинокль и глянул на указанное место. Гаршнеп сидел, нет, скорее лежал головой в противоположную сторону от нас. В бинокль хорошо было видно, что птица пристально наблюдает за людьми, благодаря характерному расположению глаз, позволяющему гаршнепам (и не только им) следить за тем, что происходит у них сзади. Обзор на 360°! Пожалуй, это даже лучше, чем у сов: нет необходимости поворачивать голову.

Мы стали окружать гаршнепа, заранее накинув на себя белое маскировочное облачение. Однако птице почему-то не понравился наш «прикид», и мы остались без объекта съемки.

Побродив по окрестностям в поисках какой-нибудь другой фотомодели и не найдя ничего приличней торчащей из речки обледеневшей трубы, мы вернулись на прежнее место к ручью. Все наши мысли и разговоры постоянно вертелись только вокруг гаршнепа. На этот раз гаршнеп не только порадовал нас своим присутствием, но и позволил приблизиться поближе. Из-за сильного мороза от воды поднимался пар, который в контровом солнечном свете был хорошо заметен на снимках. Справиться с этим не помогала даже фотовспышка. С противоположной стороны сфотографировать птицу не позволял хорошо укрывавший ее снежный сугроб. При нашем приближении гаршнеп затаивался и не менял положения своего тела около двадцати минут, лишь очень медленно приподнимал голову, полностью доставая клюв из воды. Мы решили отложить съемку до завтрашнего дня, надеясь найти птицу в более выгодном для съемки месте.

На следующий день морозы ослабли и гаршнеп снова перелетел на речку, берега которой во многих местах были свободны ото льда. Мне удалось отыскать гаршнепа неподалеку от Минской станции аэрации в небольшой промоине на берегу Свислочи. Птица, заметив человека, тут же улетела вниз по реке. Вероятно, что на участке Свислочи от Чижовского водохранилища до деревни Королищевичи проводят зиму не один, а как минимум два-три гаршнепа.

Белые аисты – соседи гаршнепа по зимовке в Минске.

Побродив по окрестностям около часа, мы вернулись, и обнаружили птицу на соседнем, совсем крохотном ручейке. Гаршнеп стоял в воде под сухим облиственным стеблем осота, так что сверху его увидеть было затруднительно, настолько он сливался с окружающим фоном.

Мы начали фотосъемку, постепенно приближаясь к гаршнепу. Удалось подползти к нему на два метра и снимать, как хотелось. Вероятно, птица была сыта, так как все время стояла на одном месте, как будто грелась на солнышке. В зависимости от нашего поведения она то припадала брюхом к воде, опустив в нее клюв, то приподнималась и осматривалась по сторонам, то топорщила перья, увеличивая тем самым свои габариты. Солнечная ванна ему явно очень нравилась. Мы провели около гаршнепа, лежа и сидя в снегу, два с половиной часа, а он и не думал что-либо предпринимать.

Хроника одной экспедиции

Павел Пинчук.
Фото автора

Моя история знакомства с лопатнем началась со звонка Александра Винчевского зимой 2008 года. Требовались орнитологи в две экспедиции на Чукотку: первая по лопатню на два с половиной месяца, вторая по пискульке на месяц-полтора. Не раздумывая, выбрал первую – и в конце мая, совершив почти 9-часовой перелет из Москвы в Анадырь, попал из белорусского лета в чукотскую весну, больше похожую на зиму.

В начале июня весна на Чукотке еще только начиналась, по льду Анадырского залива ездили вездеходы, но весенняя миграция птиц уже была в самом разгаре. Первую неделю мы провели в поселке Угольные Копи, ожидая вертолет. Чтобы убить время (и не только), поставил паутинные сети – первый день ловил те же виды, что неделю назад были на Припяти: фифи, галстучник, бекас, турухтан. И только на следующий день пополнил свой список длиннопалым песочником.

Вообще ожидание вертолета оказалось весьма утомительной процедурой: каждое утро к девяти часам нужно было полностью собраться и приехать в аэропорт, где через час-полтора услышать, что рейс отменен из-за сложных погодных условий. Погода, однако, быстро сжалилась над нами – и через неделю мы вылетели в поселок с труднопроизносимым названием Мейнопыльгино. Садясь в вертолет, впервые столкнулся с особым отношением к орнитологам: летчики, узнав, кто мы такие, разрешили открывать иллюминатор в полете для фотографирования. Позже я перестал удивляться тому, что орнитологам всюду давали зеленый свет, например, свободно разрешали пользоваться интернетом в школах или приобретать взрослые напитки в «комендантский час».

Задача была довольно простой – на мониторинговой площадке найти и закартировать все гнездящиеся пары лопатня, по возможности найти гнезда и проследить их судьбу. От кольцевания лопатней к тому времени уже отказались, но необходимо было искать птиц, помеченных цветными кольцами в предыдущие годы. Кроме того, в нашу работу входило общение с местным населением и организация «Клуба друзей лопатня». Помимо работ по лопатню предстояло провести учеты птиц на морских базарах на юго-востоке Чукотки.

Лопатня мы увидели в первый же день после прилета, довольно близко от поселка. Зная о том, что лопатень не самый крупный кулик, все-таки удивился его размерам. Не больше кулика-воробья. Рассмотреть его в тундре весьма непросто, тем более что он не всегда спешит показаться. Спасает голос, характерное «жужжание».

По окраске и внешнему виду лопатень мало чем отличается от привычного кулика-воробья, еще больше похож он на обычного в этих местах песочника-красношейку. Но вот что касается клюва, то это отдельная тема. Не совсем понятно, для чего он ему нужен именно такой формы. При наблюдениях за кормовым поведением этого куличка сложилось впечатление, что такая форма скорее мешает, чем помогает. Кстати, в процессе подготовки презентации для местной школы выяснилось, что

название лопатню дали из-за сходства вовсе не с лопатой, а с «лопатнем» – специальным сверлом, которое предназначалось для ручного высверливания отверстий под деревянную ось телеги в ступице колеса.

Но вернемся к работе, для которой мы, собственно, и приехали. Результаты наших учетов показали дальнейшее падение численности лопатня. На площади, где в 2003 году отмечалось почти 100 пар лопатней, обитало не более 10 пар. Всего мы нашли 6 гнезд, из которых одно, скорее всего, съели собаки, а в остальных нормально вывелись птенцы.

Следует сказать, что погода не благоприятствовала ни самим лопатням, ни нашей работе. В начале июня прошли небольшие снегопады, после которых снег таял в течение нескольких часов. Июнь был умеренно холодным, средняя дневная температура составляла около 5 градусов. Дождей было мало, да и те, которые шли, чаще напоминали морось. В первой половине июля ясный теплый день был всего один, в остальные дни стояла облачная прохладная погода. Все это привело к тому, что участки, на которых обычно гнездились лопатни, оказались пересушенными. Скорее всего, это и повлияло на низкую численность лопатней, подтверждение этому было получено в следующем году.

Если гнездо лопатня найти трудно, то птенцов еще сложнее. Зная точное местонахождение гнезда и периодически контролируя его, мы потратили полчаса на то, чтобы найти недавно выведшихся птенцов, которые лежали недалеко от гнезда. У только что появившегося на свет птенца лопатня на коротком клюве уже есть вполне солидная «лопатка», которая по мере роста клюва будет отодвигаться все дальше от головы.

В середине июля мы на две недели покинули поселок для проведения учетов на морских базарах. Кроме учетов колониальных птиц, обследовали также участок реки Пика в надежде найти гнездящихся лопатней, но безрезультатно. Своеобразной компенсацией являлось довольно близкое общение с бурыми медведями. Надо сказать, что человека они боятся, но не сильно. А близкое соседство колонии моржей и идущая на нерест красная рыба (нерка и горбуша) приводили к тому, что одновременно мы могли видеть до семи медведей. Кончилось это все тем, что один из медведей (которому мы дали нецензурную кличку) распорол нашу резиновую лодку, видно, перепутав ее с мертвым моржом.

По возвращении в поселок нас ждало неприятное известие о том, что мест в вертолете для нас нет и не будет. Поэтому окончание сезона оказалось смазанным постоянным ожиданием известий: заберут или не заберут. В последние дни мы совершали недальние вылазки, целью которых было кольцевание птенцов. Из двух известных пар исландского песочника удалось окольцевать трех птенцов и сфотографировать самца с белым флагом, означавшим, что окольцован он был на зимовке в Новой Зеландии.

Один из последних выходов мы потратили на то, чтобы навестить наших окольцованных птенцов. Самих птенцов на этот раз мы так и не увидели: они ушли в траву. Но по поведению родителей было видно, что им есть кого охранять. Так что хотя бы для этих птенцов начало жизни получилось удачным.

Ну а по возвращении в августе в Москву нас ждали известия о начавшейся войне с Грузией и огромное количество милиции на всех вокзалах столицы нашей бывшей родины.

Теперь, оглядываясь назад, вспоминаю, что тогда, в 2008 году, сразу после окончания сезона, будущее лопатня виделось в мрачных тонах. Были даже мнения, что через 5-10 лет он вымрет окончательно и предпринимать что-то уже поздно. Однако работы, проведенные в последние два года, позволяют смотреть на будущее этого уникального кулика с определенным оптимизмом (если тут уместно это слово).

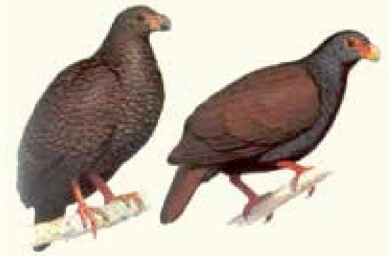
Апошняя надзея для кузена дронта

Эндэмік Самоа зубадзюбы голуб *(Didunculus strigirostris)*, адзін з найбольш блізкіх да вымерлага дронта сучасны від птушак, хутчэй за ўсё таксама знік. Адмыслова арганізаваная на яго пошукі экспедыцыя не змагла адзначыць ніводнай птушкі.

Каманда навукоўцаў, якая прыбыла на Самоа, мела надзею ўбачыць гэтага невялікага, даўжынёй каля 30 см і з незвычайнай для галубіных дзюбай (наддзюб'е масіўнае і загнутае на канцы, а паддзюб'е мае два завостраныя і зубападобныя выступы, якія заходзяць на наддзюб'е) у лясах на высакагор'ях.

На жаль, даследчыкі не адзначылі нават слядоў гэтых птушак на гары Silisili, дзе лясы знаходзяцца амаль у некранутым стане. Гэта стала вялікім расчараваннем, бо дагэтуль лічылася, што першабытныя высакагорныя лясы ў гэтай мясцовасці падтрымліваюць як мінімум невялікую папуляцыю гэтых галубоў. Агульная колькасць віду ацэньвалася ў прыкладна 250 птушак, аднак цяпер выглядае, што яна можа быць значна меншаю, калі від яшчэ ўвогуле існуе.

Вельмі хуткае знікненне віду, колькасць якога яшчэ напрыканцы 1980-х гадоў магла налічваць нават 4800 птушак, адбылося з-за слаба кантраляванай і маштабнай высечкі лясоў пад сельскагаспадарчыя палеткі. Становішча значна пагоршылася ў выніку некалькіх моцных трапічных цыклонаў, і ў выніку плошча першабытных лясоў на востраве зменшылася на 75 %. Да гэтага дадалося распаўсюджанне дрэваў-інтрадуцэнтаў і нерэгулюемы выпас жывёлы.

Зубадзюбы голуб з Самоа, нікабарскі *(Caloenas nicobarica)* і віктарыянскі венцэносны галубы *(Goura victoria)* разам з найбольш блізкімі да іх і зніклымі дронтам додо і дронтам з вострава Радрыгес *(Pezophaps solitaria)* утвараюць асобную і ўнікальную галіну атраду Галубепадобных, прадстаўнікі якой утварыліся і былі распаўсюджаныя толькі на асобных астравах.

Тэрмінова распрацаваны і прыняты план па вяртанні віду дае надзею на тое, што від яшчэ будзе аднойдзены. Аднак шанцы на гэта вельмі невялікія.

Малюнак з www.international-dovesociety.com (злева маладая, справа - дарослая птушка)

Новы від птушак апісаны ў Перу

Рэгіён усходніх Андаў у Перу «падарыў» навукоўцам новы від кабезона з роду *Capito*, які названы кабезон Сіра *C. fitzpatricki*.

Новы від быў адкрыты падчас групавога даследавання паўднёвай часткі рэгіёну Cerros del Sira, дзе экспедыцыя шукала месца для летніка ў пойме ракі Rio Tzipani. Майкл Джы Гарвэй (Michael G. Harvey) першым адзначыў невядомы від кабезона яшчэ 8 кастрычніка 2008 года, калі ўбачыў яго ў змешанай чарадзе птушак разам з пурпуровастужкавымі кабезонамі C. wallacei ў горным лесе.

На працягу наступнага тыдня каманда даследчыкаў знайшла таксама невядомы від і ў іншых месцах недалёка ад першага. Было здабыта 8 птушак, з якіх былі падрыхтаваныя скуркі, якія захоўвалі ў эталоне. Акрамя гэтага, атрымалася зрабіць шматлікія экалагічныя і эталагічныя назіранні.

Агульны арэал новага віду ацэньваецца прыкладна ў 300 кв км, часткова ён насяляе рэзерват Sira Communal Reserve, аднак павелічэнне навокал капальняў і нарыхтоўкі леса змушае прызнаць яго статус пагражаемым.

Цікава, што сваю навуковую назву новаапісаны від атрымаў у гонар не толькі яшчэ жывога, але і актыўна працуючага арнітолага д-ра Джона Фіцпэтрыка (John W. Fitzpatrick), які з 1995 года ўзначальвае лабараторыю арніталогіі ў Карнельскім універсітэце (ЗША). Ён апублікаваў шмат артыкулаў па птушках неатропікаў, між іншым быў адным з аўтараў кнігі Neotropical Birds: Ecology and Conservation і апісаў там 7 новых відаў.

З’явіўся першы чалавек, які бачыў больш за 9000 відаў птушак!

19 жніўня ў Інданезіі адбылася гістарычная падзея: сусветны лідар бёдучараў Том Галік (Tom Gullick) адзначыў там свой 9-цітысячны від птушак – садавінную туркаўку Ўолеса Wallace’s Fruit-Dove *Ptilinopus wallacii*. Гэты эндэмічны від ён убачыў і занёс у свой жыццёвы Спіс на востраве Yamdena (астравы Tanimbar).

Дзякуючы адмысловаму туру, які для яго арганізавала кампанія Birdtour Asia, Том мае цяпер у сваім Спісе ўжо 9.047 відаў, пасля наведвання вострава Seram і адзначэння там большасці мясцовых эндэмікаў, уключна з надзвычай рэдкім у прыродзе пурпуровапатылічным лоры Purple-naped Lory *Lorius domicella*.

Том Галік паходзіць з Вялікабрытаніі, але апошнім часам жыве ў Гішпаніі. Лідарам сярод бёдучараў па колькасці адзначаных відаў птушак ён стаў у 2008 годзе. Паводле справаздачы American Birding Association Big Day and ABA List Report, апублікаванай у ліпені, на канец 2011 года ён меў у сваім Спісе 8.942 відаў – на 117 відаў больш, чым у яго бліжэйшага суперніка з Вялікабрытаніі Джона Хорнбакла (Jon Hornbuckle).

Акрамя сусветнага Спісу, Том застаецца таксама лідарам па колькасці адзначаных відаў птушак у Паўднёвай Амерыцы (2.939 відаў) і Афрыцы (2.081). Аднак Спіс птушак Амерыканскай бёдучарскай асацыяцыі ABA заснаваны на таксанамічнай сістэме Клемента Clements taxonomy, якая на канец мінулага года прызнавала 10.700 відаў птушак на Зямлі. Для параўнання, сусветны Спіс птушак глабальнай асацыяцыі BirdLife International на гэты ж час налічвае «толькі» 10.064 віды птушак, якія існуюць на нашай планеце.

Крылы дыназаўраў узніклі для шлюбных паказаў

Апошнія даследаванні паказалі, што крылы ў дыназаўраў не толькі ўзніклі раней, чым лічылася, але і мелі іншую функцыю, чым у птушак – яны выкарыстоўваліся падчас шлюбных гульняў.

Артыкул, апублікаваны ў часопісе Science, апісвае тры знаходкі дыназаўраў з групы *Ornithomimosaur*, зробленыя ў Канадзе.

Група *Ornithomimids* (з лаціны – «тыя, што мімікрыруюць пад птушак») – вельмі падобныя да сучасных страўсаў дыназаўры, якія мелі бяззубую дзюбу, вялікія вочы і доўгія ногі, аднак яшчэ ў іх быў доўгі і тоўсты хвост.

Тым не менш, новыя выкапневыя дыназаўры паходзяць з даволі аддаленай галіны дрэва дыназаўраў, чым аперанныя дыназаўры, вядомыя дагэтуль.

«Дыназаўры з крыламі, знойдзеныя раней у Кітаі, значна бліжэйшыя да птушак», – паведаміла Дэрла Зеленіцкі (Darla Zelenitsky) з універсітэта Кэлгэры (Канада). «Знойдзеныя намі дыназаўры больш прымітыўныя і аддаленыя ад продкаў птушак. Гэта паказвае, што крылы ўзніклі раней, чым мы думалі дагэтуль».

Аднак найбольш цікавым адкрыццём стала не гэта, а тое, што толькі ў дарослага асобніка ёсць pennibrachium – структура, падобная на крыло (хаця і маладыя, і дарослыя дыназаўры паказалі апераналасць практычна ўсяго цела мяккімі, пухападобнымі пёрамі). У дадатак, гэтыя крылы пакрытыя нашмат даўжэйшымі пёрамі, чым цела.

«Наяўнасць прымітыўных крылаў у параўнальна вялікіх дыназаўраў даказвае, што крылы ўзніклі не для палёту, а іх развіццё толькі ў дарослых асобін сведчыць пра тое, што яны былі патрэбныя ў дарослым жыцці – магчыма, для ўдзелу ў шлюбных гульнях», – паведаміла д-р Зеленіцкі.

Новыя знаходкі дапамогуць даць больш дэталёвы адказ на пытанні: калі і для чаго ўзніклі пёры.

Падрыхтаваў Дзьмітры Вінчэўскі паводле навін з сайта www.birdwatch.by

Як я птушкам дапамагаў

Вялікая сініца

Сяргей Зуёнак. Фота Андрэя Несцерава

Таўстадзюб

Палявы і дамовы вераб'і

Ужо колькі гадоў кармлю птушак на балконе. Яно па цяперашніх зімах, калі разабрацца, і не вельмі птушкам патрэбна: на тыдзень адлігі два дні ўмоўных маразоў прыпадае, снег то ляжа, то сыдзе – карацей, раздолле птушкам. Што тут разважаць, калі нават найбольш смелыя шпакі ад далёкага выраю адмовіліся, застаюцца зімаваць у Мінску, сядзяць на голых галінках і выводзяць свае задумлівыя рулады проста сярод шэрай зімовай распуціцы. Раздолле-раздоллем, але ад дармавога пачастунка ніхто ніколі не адмаўляўся – што ў нас, у людзей, што ў птушак. Вось і раблю кожную зіму ў пачатку снежня імправізаваную сталоўку з двухлітровай бутэлькі: выразаў збоку акенца, прымайстраваў да балконных парэнчаў, насыпаў сланечніку – налятай, пярнатае братэрства!

Вось так мы і зімуем – птушкам радасна, а мне цікава. Толькі вось мінулая зіма выдалася зусім непадобная да іншых: на самыя Каляды слупок тэрмометра ўпэўнена апусціўся ніжэй рысачкі -20 і застыў там ажно на два тыдні, быццам прымарожаны. З гэтае нагоды, пакідаўшы ўсе свае справы, я некалькі разоў адмыслова ездзіў на Камароўку: расход насення на працягу марозных тыдняў павялічыўся шматкроць, дарэчы, і кошт сланечніка таксама ўзрос. Цёткі-прадаўшчыцы, да самага носу захутаныя ў цёплыя пуховыя хусткі, паяснялі гэта тым, што з пахаладаннем усё «кармавое» насенне размялі аматары птушак, таму даводзіцца прадаваць адборны, «людскі» сланечнік, праўда крыху танней, чым ён увогуле каштуе.

Дзіўна было даведацца, што асноўнымі яго пакупнікамі з'яўляюцца бабулькі-пенсіянеркі – і сапраўды, відаць, узрос наш дабрабыт, калі гэтая самая «забяспечаная» частка насельніцтва змагла дзяліцца сваім жабрацкім прыбыткам з сінічкамі. У самы моцны мароз адна з такіх старэнькіх пакупніц паскардзілася мне: «А мае птушкі нешта не прылятаюць, пэўна, лётаць халодна, схаваліся недзе і сядзяць». Падумаў я і згадзіўся з бабулькай, не стаў тлумачыць ёй, чаму сінічкі лётаць перасталі... Дарэчы, у гэты ж час побач з «птушынымі» прылаўкамі апранутыя ў модныя футры кабеты памаладзей набывалі заморскую садавіну і іншыя дарагія прысмакі – пэўна, не ведалі дакладна, што менавіта патрабуецца птушкам узімку.

Вельмі прыемна было атрымаць ад цётак-прадаўшчыц бонус да пакупкі – закладачку-вызначальнік вытворчасці АПБ – гэта на той выпадак, калі я не ведаю дакладна, хто прылятае ў маю сталоўку. Для замацавання арніталагічных ведаў пакупнікоў на сцяне за прылаўкамі быў прымацаваны яшчэ і вялікі каляровы постэр ад таго ж вытворцы. Пры дапамозе гэтай нагляднасці, атаварыўшы мяне, цёткі наперабой пачалі тлумачыць, як вызначаць розныя віды вераб'ёў, якія круціліся тут жа на прылаўку і спрытна выхопвалі сланечнік ці не з рук прадаўшчыц. Я падзякаваў за навуку, паабяцаў кабетам, што яшчэ дасканала сам ва ўсім разбяруся і заспяшаўся дадому: мае ж «кватыранты» таксама галодныя.

З дапамогай закладачкі пакрысе ўсіх дакладна вызначыў, вось мой спіс наведвальнікаў: два віды вераб'ёў (самі ведаеце, якіх), два віды сініц (таксама здагадваецеся), зелянушкі, таўстадзюбы (ніколі раней столькі не бачыў), часам шызыя галубы і каўкі.

На першы погляд здаецца, што асноўныя сярод наведвальнікаў сініцы – мітусяцца, дэманструюць адна другой, якія яны «жудасныя», хапаюць зернейка, хуценька апрацоўваюць яго на суседняй бярэзіне, а потым зноў да бутэлькі: зімовы дзень кароткі, а ноч доўгая, трэба так наесціся, каб хапіла да раніцы. Справа кардынальна мянялася, калі ў сталоўцы з'яўляліся вераб'і альбо зелянушкі. Яны вырашалі гэтае пытанне па-свойму, а менавіта цалкам залазілі у бутэльку і, нікога больш туды не пускаючы, спрытна лузгалі сланечнік, пакуль не наядаліся «ад пуза», а толькі потым задаволена адляталі на тую ж самую бярэзіну. І толькі калі прылятлі таўстадзюбы, я разумеў, хто тут сапраўдны гаспадар.

Бліжэй да вясны мой seen-list папоўніўся яшчэ адным відам – шуляк-карагольчык (гэты на закладачцы намаляваны не быў, але я і сам яго ведаю). Таксама прыляцеў, таксама падсілкаваўся. А што рабіць, ён таксама есці хоча. Як бы сказаў незабыўны Дзерсу-Узала: «Шуляк-карагольчык – таксама людзі»...

... А вось аднойчы, спяшаючыся на чарговы «ланч», не ўпісаўся небарака ў віраж – з разгону бразнуўся ў шыбу. Але нічога, паляжаў крыху, потым на парэнчах пасядзеў і паляцеў сабе, пэўна, стратэгію палявання абдумваць і тактыку карэктаваць...

Пераможцы фотаконкурсу «Птушкі ў аб'ектыве - 2012»
Намінацыя «Птушкі»

Мікалай Верабей «Будаўнікі» – 1 месца

Мікалай Гулінскі «Водныя баталіі» – 2 месца

Здымкі – прызёры фотаконкурсу і не толькі можна знайсці ў Галерэі на www.birdwatch.by

Работы пераможцаў конкурса дзіцячага малюнка «Чорны свіргуль – птушка 2012 года»

1 месца. «Фантазія». Цыплак Святлана, 14 год, в. Валокі, Барысаўскі р-н.

2 месца. «Чорны свіргуль». Тарасевіч Марыя, 11 год, г. Барысаў.

2 месца. «Нястомны лятун». Літвін Насця, 8 год, г. Мінск.

3 месца. «Добрыя бацькі – чорныя свіргулі». Голубева Вольга, 9 год, г. Мінск.